

М.А. Фельдман

д.и.н., профессор, Уральский институт – филиал Российской Академии народного хозяйства при Президенте РФ (Екатеринбург)

СТЕПЕНЬ ОСМЫСЛЕНИЯ ИТОГОВ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: УРАЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению итогов первой пятилетки в крупном индустриальном регионе Уральской области. Замысел первого пятилетнего плана был обширен: впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов; широкий круг социальных программ. Столкновение рационального и утопических курсов реализации заданий пятилетки – одна из самых драматических страниц советской истории – проходило сквозь судьбы людей. Для одних это был путь к прозрению. Для других – путь к слепому выполнению приказов.

Ключевые слова: Первая пятилетка, пятилетний план, индустриализация, Урал, ВКП(б), рабочие, Пленум ЦК ВКП(б), Съезд ВКП(б).

JEL: N60, N70, N90, O25.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10308

Проблема осмысления пройденного пути – одна из важнейших для управленческого эшелона. Анализ итогов первой пятилетки (1928–1932 гг.) приобретает особую значимость в связи с тем, что после довольно короткого периода рассмотрения НЭПа как варианта эволюционного развития СССР, открывающего дорогу индустриализации страны, с меньшими потерями населения и без резкого снижения уровня жизни у большинства граждан, в первые десятилетия XXI в. в исторической литературе все более стал утверждаться тезис о сталинском варианте модернизации как единственно возможном виде перехода от аграрно-промышленного типа экономики к промышленно-аграрному [Есиков, 2010]. Однако подобные выводы зачастую делаются вне изучения дискуссий о характере индустриализации на партийно-хозяйственных форумах; степени осмысления итогов Первой пятилетки на общесоюзном и региональном уровнях. Преодолению малоизученной страницы истории посвящена предлагаемая статья.

Начиная с 1926/27 гг. работа плановых органов Урала была сосредоточена главным образом на создании «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.». Особенностью этого плана было то, что он был *самостоятельно* составлен коллективом специалистов Уралплана с привлечением наиболее квалифицированных специалистов региона и стал «основной руководящей экономической программой» для составления пятилетнего плана развития экономики Урала». В июне-июле 1928 г. эта работа была завершена и распечатана. С осени 1928 г. велась непрерывная *проработка варианта* пятилетнего плана Уральской области в Госплане, ВСНХ и других ведомственных плановых структурах. При этом большая часть наметок Генерального плана на предстоящее пятнадцатилетие оказалась передвинута на *первое пятилетие*. То, что намечалось сделать за 15 лет, пред-

полагалось осуществить в значительной части за пять лет (см. [Отчет о деятельности..., 1929. С. 37–38]).

Разработанные учеными и специалистами края в течение 1928 г. несколько вариантов пятилетнего плана развития экономики Урала (Уральской области) легли в основу доклада Уралплана «Урал как промышленный комбинат и задачи пятилетки», представленного Госплану СССР в январе 1929 г. Основные показатели развития промышленности за пятилетку были четко спланированы, в основном отвечали экономическим потребностям края и без существенных изменений вошли в Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР [Зуйков. С. 29–30].

Пленум Уралобкома в январе 1929 г., заслушав информацию Уралплана о подготовке планов развития экономики Урала, подтвердил, что процесс планирования соответствует общей линии хозяйственной политики партии и общим задачам хозяйственного строительства Урала [История индустриализации..., 1967. С. 151–152]. Аналогичные выводы прозвучали и в документах Девятой партийной конференции коммунистов Уральской области в апреле 1929 г. В резолюции конференции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства Урала» подчеркивалось: «...конференция одобряет представленный общий пятилетний план развития народного хозяйства Урала и констатирует, что он разработан в полном соответствии с генеральной линией и основными директивами экономической политики партии» [Там же. С. 157–165]. Таким образом, от теоретических поисков 1926–1928 гг. советская экономическая мысль весной 1929 г. вышла на уровень конкретного пятилетнего плана и на союзном, и на региональном уровне.

Отмечу, однако, принципиальный момент, на который советская историография «закрывала глаза»: и региональный, и общесоюзный пятилетний планы, утвержденные в апреле 1929 г. [Проблемы реконструкции..., 1929. С. 3–5], предполагали развитие на путях многоукладной экономики, нацеливая на взаимодействие плана и рынка, на их взаимодополняющее проявление; опровергая невозможность спланировать развитие многоукладной экономики из-за «теоретико-идеологического прессинга большевиков» [Фельдман, 2018].

Риски реализации указанных планов историки обоснованно видят прежде всего в том, что экономика страны не была подготовлена к ускоренной индустриализации: в дефиците сырья и материалов нужного качества; в нехватке квалифицированных кадров с опытом работы в крупной промышленности; в неразвитости смежных производств, транспортной сети и т.д. [Шпотов, 2006. С. 286]. Обращается внимание на существенное нарушение финансового равновесия начиная с зимы 1929 г. [Дэвис, 1994. С. 20].

Насколько все-таки реалистичными были представленные программы? Как и общесоюзный Пятилетний план, «уральская пятилетка» осенью 1928 г. – зимой 1929 г. подверглась неоднократным корректировкам в сторону увеличения плановых показателей. Тем не менее указанные документы весной 1929 г. еще имели запас прочности, благодаря сохраняющейся сбалансированности финансовых, материальных и людских ресурсов; взаимодействию государственного, кооперативного и частного секторов экономики, что позволяло избежать разорения миллионов ремесленников, кустарей, мелких предпринимателей, наиболее умелой части крестьянства.

Главным же риском для пятилетних планов стала опасность вмешательства идеологического характера, отчетливо отразившаяся в ходе внутрипартийной борьбы в 1928–1929 гг. *Весна 1929 г. стала завершением только первого этапа становления и развития Первого пятилетнего плана.*

Показательно, что сразу же после поражения сторонников сбалансированного развития экономики на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б) [Фельдман, 2019] в кратчайший период – с 13 апреля (дня завершения областной партийной конференции) до 3 мая 1929 г. (дня открытия Седьмого областного съезда Советов) – размеры предполагаемого (за

пятилетку) финансирования экономики Урала стремительно «подскочили»: с 2,7 млрд руб. до 3,5 млрд руб., в том числе в промышленность с 1,6 до 2 млрд руб. [*История индустриализации...*, 1967. С. 173].

Однако это было только начало: с лета 1929 г. начинается период стремительного необоснованного увеличения плановых показателей и разрыва с нэповской экономикой. Выполняя партийные директивы, подготовленный президиумом ВСНХ проект постановления от 8 июля 1930 г. предусматривал увеличение капиталовложений в экономику Уральской области за пятилетку с 1 952 млн руб. до 5 873 млн руб., или в три раза. Скачок валовой продукции промышленности предполагалось обеспечить более чем в *восемь раз* (втрое выше, чем по первоначальным показателям Первого пятилетнего плана!) – с 529 до 4 421 млн руб.¹ Под давлением направляемого Сталиным ВСНХ, руководители Уральской области (В.Н. Андронников, М.П. Ошвинцев, Б.В. Дидковский) легко соглашались с принятием самых фантастических плановых показателей – так понималась в тот момент партийная дисциплина и верность генеральному курсу партии².

Большевистское утопическое видение неограниченных возможностей «социалистического» государства, энергии и энтузиазма промышленных рабочих обрело свою установку, оторванную от экономических принципов. Восторжествовала ставка на необоснованное увеличение финансирования строящихся объектов при одновременном увеличении проектных мощностей.

Действительность 1930 г. подтвердила опасения тех, кто на Пленумах ЦК ВКП (б) весны 1928 – весны 1929 гг. предостерегал от волюнтаристских действий и был заклеен как «правые оппортунисты». Огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность СССР, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках. «Бешеные темпы» роста продукции; игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого «спецедействия»; падение дисциплины на производстве, привели к всестороннему кризису в советской экономике [Хлевнюк, 2010. С. 84].

Не реагировать на указанные процессы было невозможно. Начиная с середины 1930 г., часть советского руководства переходит к рациональным оценкам возможностей реализации Индустриального проекта. Так, руководитель ВСНХ В.В. Куйбышев, изучив реальную статистику экономических показателей, понял всю бессмысленность завышения контрольных цифр. С лета 1930 г. начинается формирование критического отношения Куйбышева к «бешеным темпам» [Такер, 2013. С. 123].

Г.К (Серго) Орджоникидзе, автор Записки в Политбюро ЦК в декабре 1930 г., зафиксировавшей кризисные явления в экономике страны, отметил, что ни одно контрольное задание на 1930 г. не выполнено. Отражая опасения экономического краха, Пленум ЦК ВКП (б) в декабре 1930 г. провозгласил курс на укрепление финансовой дисциплины и сокращение расходов. В выступлении Орджоникидзе на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января 1931 г. отмечалось, что заявления о «динамичном развитии» промышленности базировались только на показателях роста капиталовложений, а «колоссальный рывок» сельского хозяйства аргументировался ростом посевных площадей в колхозах и совхозах [Хлевнюк, 2010. С. 47].

В реальности рост промышленной продукции за два года пятилетки составил только 4% (с 29 300 млн руб. до 30 450 млн. руб.). Выход, по мнению Орджоникидзе, заключался в ограничении до минимума количества новых строек. [*Первая Всесоюзная...*, 1931. С. 6, 12–13]. Аналогичные процессы шли и в Уральской области. Очевидные нотки раздражения политикой Центра прозвучали на Пленуме Уралобкома в январе 1931 г., где подчер-

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области – ЦДООСО. Ф.4. От 8. Д. 419, л. 17).

² Там же. Л. 1–15.

кивалось: причины выполнения производственных планов за 1929–1930 хозяйственный год в отраслях промышленности Уральской области только на 70–80 %, во многом были связаны с тем, что экономика Уральской области вместо необходимых и обещанных 2,5 млрд руб., получила только 1,6 млрд руб.³

Однако и полученные средства не были связаны с достижением качества продукции. В докладе председателя исполкома Совета Уральского области М.К. Ошвинцева на пленуме Уралобкома в июле 1931 г. прямо отмечалось: в выпускаемой продукции «царствует брак»⁴.

24 января 1932 г. на Одиннадцатой партийной конференции первый секретарь уральского обкома ВКП (б) И.Д. Кабаков сообщил, что при плановом задании по выпуску *промышленной продукции* на 1931 г. стоимостью в 1360 млн руб., реальный выпуск не превысил и 655 млн руб. (или 48%). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий Первой пятилетки, вошедшим в историческую литературу под именем «Великого перелома».

При этом выработка продукции по металлургическим заводам Урала даже сократилась: с 339 млн в 1930 г. до 320 млн руб. Если говорить о росте промышленной продукции, то за 1929–1931 гг. ее выпуск увеличился не в разы, а (по официальным данным) на 55% (на 46% в 1929–1930 гг. и на 8% – в 1931 г.). «Мы наметили снижение себестоимости промышленной продукции в 1931 г. на 15%, а на деле она повысилась на 15%», – продолжал Кабаков, и это закономерно, поскольку «проведение хозрасчета на предприятиях всех отраслей промышленности поставлено чрезвычайно плохо». [Одиннадцатая..., 1932. Бюл. 3. С. 4].

Руководитель коммунистов Уральской области воздержался от обобщающей оценки, хотя при любых раскладах, даже без учета инфляционных процессов, такие показатели свидетельствовали о провале экономического курса и о кризисных явлениях в промышленности края.

Предельно кратко был обсужден вопрос о положении в деревне: лаконично отмечалось, что в «ряде районов проводилась погоня за раздутыми процентами коллективизации, и осуществлялись антисередняцкие действия; но в целом линия партии была верной». Трагедия уральской деревни оказывалась скрытой плотной пеленой молчания [Одиннадцатая..., 1932. Бюл. 15. С. 13–16].

В докладе на Одиннадцатой партийной конференции председателя исполкома Совета Уральского области М.К. Ошвинцева «Об итогах 1931 г. и контрольных цифрах на 1932 г.» было отмечено, что основные отрасли промышленности края не выполнили плановые задания. Более того, были «значительно недовыполнены показатели по росту производительности труда, и качеству продукции». Причинами такого явления были названы не мифическое вредительство специалистов или «происки оппортунистов», а вполне объективные вещи – «в важнейших отраслях сохраняется уравниловка в заработной плате». Кроме того, несмотря на все призывы и постановления, в экономике так и «не внедрен хозрасчет».

Примечательно и то, что Ошвинцев не решился назвать масштабы брака в выпуске продукции, а «неумение ряда наших хозяйственников перестроить свою работу» микшировал возможностью «использовать преимущества социалистической организации нашей экономики» [Одиннадцатая..., 1932. Бюл. 12. С. 3–20]. Шаг к объективной оценке событий 1929–1931 гг. не был сделан.

Окончательные итоги Первой пятилетки в Уральской области должна была обсудить Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП (б) (18–22 января 1934 г.). Однако подведение итогов социально-экономического развития в традициях большевистской практики было подведено под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций; при максимальной краткости информации.

³ ЦДООСО. Ф. 4. От 9. Д. 2, л. 35.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. От 9. Д. 13, л. 1.

Внешне Отчетный доклад первого секретаря Уральского обкома ВКП (б) по своей структуре мало чем отличался от предшествующих докладов на конференциях в 1930 г. и 1932 г. Создание в регионе «мировых промышленных центров металла, химии, машин» и превращение Урала в один из «мощных передовых промышленных центров Советского Союза» подавалось и раньше как «успехи социализма, достигнутые партией и пролетариатом за эти годы на Урале». Новым моментом стало весьма далекое от научного, подчеркнуто карикатурное представление дореволюционной экономики Урала в качестве края с «отсталой, кустарной промышленностью»: так легче было микшировать провал произвольно завышенных планов Первой пятилетки; проще манипулировать с цифровыми показателями [Двенадцатая..., 1934. С. 12, 13, 16].

Даже в тех редких случаях, когда докладчик сообщал делегатам конференции какие-то обобщающие сведения, например о *построении и запуске в Уральской области двухсот новых крупных предприятий*, многое оставалось неясным: степень выполнения пятилетнего плана в промышленности; соотношение плановых и реальных расходов на строительство; качественные показатели строительства и работы промышленных предприятий; уровень использования производственных мощностей. При этом типичная черта советской статистики – *выборочное, фрагментарное предоставление статистических показателей* – выглядело секретом Полишинеля, поскольку публикация пятилетних планов и их многочисленных корректировок предоставляла для специалистов возможность сравнить замысел и результат.

Отчетный доклад Уральского обкома ВКП(б) оперировал только данными за 1932 г. Выполнение плановых заданий в 1932 г. в ведущем секторе уральской экономики – отраслях тяжелой промышленности – всего на 83% Кабаков самокритично расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий» [Двенадцатая..., 1934. С. 24–25]. Однако в чем они заключались, делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела вполне определенные границы.

Еще одна большевистская традиция – поиск субъекта-вредителя – также не обошла стороной доклад Кабакова: в бесхозяйственности на предприятиях края обвинялись профсоюзы (!), виновные в «существовании на предприятиях гнилого парламентского способа разрешать производственные вопросы» [Двенадцатая..., 1934. С. 26.] При этом Кабаков только «усилил» сталинскую цитату 1931 г., напрочь отрицающую возможность производственной демократии, в частности участия профсоюзов в управлении производством, оговоренную Кодексом законов о труде.

Перекалывание ответственности за положение дел в экономике и в социальной сфере с партийных и государственных органов управления (в данном случае – на плечи профсоюзов) была еще одной традицией советской эпохи. Не спасало профсоюзных лидеров (в частности, главу Уралпрофсовета А.И. Финьковского) ни биография партийного функционера, ни абсолютная лояльность Уральскому обкому ВКП(б); ни полное забвение интересов рабочих. В выступлении председателя Уралпрофсовета на конференции профсоюзы, полностью подчиненные правящей партии, оказывались удобной фигурой для критики. При этом подмена профсоюзных требований чисто партийными лозунгами не вызвала отторжения у делегатов. Показательным был и тот факт, что в ответ на весьма нелицеприятные оценки профсоюзной работы Финьковский ввел в свое выступление немалый ряд комплиментов в адрес Кабакова [Двенадцатая..., 1934. С. 199–204].

Если положение дел в промышленности характеризовалось в Отчетном докладе хотя бы выборочными индикаторами, то ситуация в уральской деревне осталась за чертой статистических показателей. Статистику заменило повествование о работе политотделов МТС и совхозов по очистке колхозов от «охвостьев кулачества» уже *после* массовой коллективизации. В принципе Кабаков только продемонстрировал показательную черту партийных форумов первой половины 1930-х гг. на всех уровнях: любая аналитика трагического

состояния советской деревни рассматривалась как «антипартийное действие» и оборачивалась карательными санкциями.

Анализ Отчетных докладов Кабакова на партийных конференциях 1930, 1932, 1934 гг. позволяет выделить их характерные особенности: полное отсутствие каких-либо социологических примеров положения трудящихся и оперирование примером жизни *отдельно взятого рабочего*, «внезапно» изменившего свое отношение к «социалистическому строительству». На Двенадцатой партийной конференции Кабаков продемонстрировал незнание и непонимание качественных показателей развития экономики, приравняв, например, понятие «хозрасчет» к тарифной сетке [Двенадцатая..., 1934. С. 35, 29].

Обладателю начального образования, полученного в церковно-приходской школе, Кабакову действительно было трудно разбираться в сложных экономических вопросах, также как и 71% делегатов, имеющих аналогичную общеобразовательную подготовку [Двенадцатая..., 1934. С. 241]. Выход мог быть найден в предоставлении слова уральским ученым – специалистам в сфере экономики. Однако краткое выступление «делегации профессоров» ограничилось сообщениями о *планах* уральского филиала Академии наук, а «рапорт слета ударников НИИ тяжелой промышленности», помимо многочисленных здравниц в честь «науки и техники социализма», в лучшем случае указывал на направления научной работы [Двенадцатая..., 1934. С. 100–103].

Поразительно, но какие-то обобщающие сведения о *социальной цене* индустриального развития региона в 1929–1932 гг. фактически остались вне обсуждения делегатов Двенадцатой областной партийной конференции.

Неспособность к обобщению и анализу количественных показателей оборачивалась у Кабакова и иной стороной: разностной критике подвергались те из его соратников, которые раз за разом находили в себе мужество называть вещи своими именами, пытались вникнуть в суть процессов в экономике и социальной сфере. В Отчетном докладе в таком качестве выступил М.К. Ошвинцев – председатель Областного исполкома [Двенадцатая..., 1934. С. 37]. Фактически, за годы Первой пятилетки Кабаков *избавился практически от всех членов бюро Уральского обкома ВКП (б), работавших с ним с 1929 г.*: секретарей обкома П.Т. Зубарева, А.И.Ларичева, И.С.Семирякова; руководителей Облсполкома М.К. Ошвинцева и В.Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л.Е. Гольдича, и др.

Большинство из перечисленных функционеров были уральскими рабочими, еще в юности, до 1917 г., искренне поверившими в социализм; успешно прошедшими школу нэпа, драматические годы первой пятилетки; отвечавшие за конкретные отрасли народного хозяйства или конкретные участки управленческой деятельности. Не решаясь на критику сталинского курса, они тем не менее запомнились делегатам конференций 1930–1934 гг. приводимыми ими примерами бесхозяйственности; указанием на масштабы брака; на ошибочность отдельных шагов экономической политики. Для крепнущего тоталитарного государства такие управленцы становились помехой. Для всех названных выше уральских партийно-государственных работников первая половина 1930 г. стала временем движения по кадровой лестнице вниз.

Опыт предшествующих конференций; кризисные явления в уральской экономике начала 1930-х гг. обусловили тот факт, что полностью уйти от анализа событий первой пятилетки на Двенадцатой областной партийной конференции все-таки не удалось. В докладе Уральской областной контрольной комиссии приводились многочисленные факты бесхозяйственности на уральских стройках. Даже лишенное указаний на конкретные строительные организации сообщение об использовании в 1930 г. «громадного парка строительных механизмов» только на 17,3%, а к концу пятилетки (т.е. в 1932 г.) на 40–70% говорило о многом. В сопоставлении с информацией о «незадействованном оборудовании на заводских стройках на десятки миллионов рублей» эти сведения резонно вызвали вопрос о низком уровне организации строительных работ. Следствием такой организации

в строительстве стало, например, множество *«лопнувших строительных фундаментов»* только на сооружении УЗТМ. Никто из делегатов не пытался связать сложившуюся ситуацию в строительстве с неоднократно повышавшимися заданиями, не подкрепленными материально-техническими ресурсами [Двенадцатая..., 1934. С. 62, 63, 65].

Но и простое повествование о буднях уральских строек могло привести к определенным выводам. Так, информация секретаря Магнитогорского горкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе о том, что на строительстве Магнитогорского металлургического комбината (ММК) *в течение года три-четыре раза сменялся кадровый состав рабочих (!)*, объяснялось не «вредительством старых специалистов», а «отсутствием плана организации строительных работ, который бы охватывал весь процесс строительства до его окончания»; жуткими жилищными условиями рабочих; задержками и выдачей половинного размера положенной зарплаты. Немногом лучше была ситуация и на самом ММК, где текучесть персонала в среднем за год составила 100% [Двенадцатая..., 1934. С. 191, 199].

Аналогичными причинами директор УЗТМ и член Совета при Наркомтяжпроме Л.С. Владимиров объяснял огромную текучесть рабочих и инженерных кадров на заводе. Только в 1932 г. с завода ушло примерно две тысячи ИТР, и это не было случайностью: жилищный поселок Уралмаша, «который якобы выглядит хорошо, в действительности же завален мусором, нечистотами и весной будет задыхаться в собственной грязи»; в магазинах заводского поселка отсутствуют мыло, папиросы, спички, керосин, другие предметы первой необходимости.

Именно пренебрежение к социальной сфере, ставшее причиной высокой текучести кадров, лежало в основе того, что, вопреки громогласным пропагандистским заявлениям, по словам Владимирова на УЗТМ «до сих пор не отлажен технологический процесс; отсутствует инструментальная база»; «нельзя верить сообщениям о том, что налажено производство машин; есть только машины различной стадии готовности». Показательно, что правдивое выступление Владимирова, тут же вызвало поток реплик, критикующих уже самого директора УЗТМ [Двенадцатая..., 1934. С. 210–214].

Почти треть делегатов конференции можно было отнести к категории выдвиженцев из рабочей среды, ставших руководителями различных учреждений и предприятий. Однако выступление Владимирова (в прошлом слесаря завода сельского машиностроения) стояло особняком: критические выступления – не отдельный факт, а явление, которое в годы первой пятилетки могло быть отнесено к разряду «оппортунистических». Тем не менее делегаты конференции – представители директорского корпуса наглядно показали, что процесс осмысления итогов первой пятилетки включает в себя и нелицеприятные оценки экономической действительности. Такое осмысление носило непоследовательный и фрагментарный характер. Тем не менее оно способствовало отказу от леворадикальных безумств 1930–1931 гг.

Для того чтобы никакая «негативная» информация не закрепились в сознании делегатов, руководство Уралобкома применило ряд инструментов психологического воздействия. Во-первых, работу конференции «заполонили» так называемые «Приветствия с мест»: по моим подсчетам, из 60 выступивших в прениях по Отчетному докладу, 27 только зачитали «Приветствия» – парадные самоотчеты, выстроенные по одному трафарету и содержавшие лесть в адрес местных функционеров. Это означало, что около половины времени работы Двенадцатой областной партийной конференции заняли откровенно пропагандистские мероприятия. Своеобразным стало Приветствие от Кунгурской трудовой колонии: ее представитель передал делегатам «пламенный коммунарский привет» «от имени 700 бывших воров и грабителей, ныне возвращающихся в свой родной рабочий класс» (!) [Двенадцатая..., 1934. С. 199].

Во-вторых, по сути, единственным отчетом Уральского обкома ВКП(б) о своей деятельности за два прошедших года, содержащим обобщающие сведения, стали мате-

риалы о партийной «чистке». «По неполным данным», только за 11 месяцев 1933 г. состав областной партийной организации уменьшился с 214 тыс. до 162 тыс. человек, или *почти на четверть*. Грозным предупреждением всем сомневающимся в верности «генеральной линии» стала информация о том, что в ряде промышленных районов Урала доля исключенных из партии составила от 28 до 38% всех членов партии. Получалось, что протестные настроения в партии оказывались выше не в сельской местности, а в рабочей среде [Двенадцатая..., 1934. С. 153, 159].

Если в выступлении председателя областной комиссии по чистке Б.А.Ройзенмана заявлялось, что основным контингентом исключенных стали молодые коммунисты (вступившие в партию в 1930–1932 гг.), то в самом докладе областной контрольной комиссии утверждалось иное: *классово чуждыми* преимущественно стали вступившие в ряды ВКП(б) в годы НЭПа. Судя по приведенным статистическим данным, *чуждыми партии* стали и 35 секретарей районных комитетов партии, или около четверти состава функционеров этого звена. Попытка представить 52 тыс. «вычищенных» коммунистов Урала «чужаками, оппортунистами и неустойчивыми элементами» имела мало шансов на успех: по данным комиссии по чистке, около половины исключенных составили рабочие и выдвиженцы из рабочей среды [Двенадцатая..., 1934. С. 61. 155, 159].

Подведем итог. На Двенадцатой Уральской областной конференции ВКП(б) в сообщениях представителей директорского корпуса, руководителей плановых и экономических ведомств прозвучали крупинки тревожной информации о простоях техники; примеры огромных материальных потерь из-за брака продукции; бесхозяйственного отношения к расходованию сырья и материалов, отсутствия хозрасчета и хозрасчетных отношений, образующие мозаичную картину кризисного состояния экономики Урала. Тем не менее цельного понимания результатов «Великого перелома» и итогов первой пятилетки у уральцев не было. Применение массированного социально-политического обмана (систематическая практика бездоказательных фальсификаций статистических показателей), мощное идеологическое воздействие, например, сталинское утверждение о создании «фундамента социалистической экономики», не позволили осознать содержание произошедшего: идет огосударствление всех сторон советской жизни, выдаваемое за социалистическое строительство.

Но и при одуряющей тотальной пропаганде достижений «социалистического строя» даже отдельные реалистические штрихи, характеризующие итоги развития экономики Уральской области за годы первой пятилетки, разительно отличались от штампов официальной идеологии. Зерна прозрения были посеяны, представляя потенциальную угрозу настойчиво внедряемому в общественное сознание, мифологическому «полотну» советской жизни. Выступления хозяйственников и, в значительно меньшей степени, тщательно отредактированные резолюции конференции были направлены на корректировку экономического курса, *но не на его слепую поддержку*.

В печатных трудах, посвященных итогам Первой пятилетки, опубликованных в Свердловске в 1933 г., значительное место уделялось цитированию сталинских оценок событий 1929–1932 гг., прежде всего высказыванию генсека о «превращении СССР из страны аграрной в индустриальную страну, с преобладанием удельного веса в народном хозяйстве промышленности» [Ошвинцев, 1933. С. 4–5]. Подчеркивалось, что по «инициативе Сталина и воле партии» на Урале проведено «небывалое в истории по темпам гигантское строительство металлургических, химических, машиностроительных и др. заводов... Уральский край из отсталого в технико-экономическом отношении района превратился в самый крупный индустриальный район, вооруженный современной и совершенной индустриальной техникой» [Там же. С. 6].

Вместе с тем факты, приведенные Ошвинцевым, (например, о росте валовой продукции промышленности на Урале за пятилетку в 2,5 раза – с 444 млн руб. в 1927/28 хозяйственном году до 1100 млн руб. в 1932 г. [Ошвинцев, 1933. С. 8]), убедительно говорили

о реалистичности варианта пятилетнего плана весны 1929 г. и полной необоснованности «бешеных темпов» 1930 г. Обращало на себя внимание и то, что ряд крупных промышленных предприятий, (например, Уральский машиностроительный завод), пуск первой очереди которых состоялся в 1933 г., Ошвинцев отметил, как построенных и запущенных уже в 1932 г. [Ошвинцев, 1933. С. 6]. В то же время Ошвинцев указал на раздутость штатов партийного аппарата: «уйма кормится лишнего народа за счет наших социалистических фондов» [Там же. С. 8, 10].

В брошюре председателя Уралплана Г.К. Крумина пафосно говорилось о создании современного промышленного комплекса на Урале, в том числе «машиностроения, способного производить любое оборудование, вплоть до самого сложного и ответственного» [Крумин, 1933. С. 3]. В ней подчеркивалось: в период 1928–1932 гг. доля промышленности Уральской области в общесоюзном производстве выросла с 3,8 до 5,4% [Там же. С. 7]. Однако управленцам было известно: диспропорции в развитии группы «А» и «Б» в уральской промышленности за пятилетку только возрастали – с восьмикратного разрыва в 1927/28 хозяйственном году до десятикратного в 1932 г. [Пятилетний план, 1929. Т. 3. С. 563].

Вне внимания специалистов остался такой факт: за годы Первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4% всех союзных капиталовложений. В реальности промышленность региона получила 7,8%, т.е. в полтора раза меньше [Пятилетний план, 1929. Т.3. С. 562–563; Зуйков, 1971. С. 258]. Но и в сокращенном формате очевидна диспропорция доли финансирования промышленности Уральской области в общесоюзном финансовом балансе.

В целом приведенные выше публикации носили скорее пропагандистский характер. Анализ итогов Первой пятилетки был отложен до утверждения второго пятилетнего плана. Вместе с тем даже отдельные фрагменты критики экономической обстановки 1932 г. нарушали мифологический рисунок уже «построенного экономического фундамента социализма», вызывая гнев Сталина и оперативные (или отложенные на будущее) кадровые решения.

Завесой молчания были окружены ответы на вопросы об *эффективности создания Уральской области*, отметившей свое десятилетие в декабре 1933 г. Это не было случайностью: обоснованное управленческое решение трансформировалось в «административную утопию», переход к которой состоялся в результате принятия сначала «оптимального» плана Первой пятилетки взамен более реалистичного «отправного», а затем – поправок Сталина, еще более далеких от реальных возможностей государства. В еще большей степени к «административной утопии» подталкивал перенос акцента с принципа экономической самоорганизации территории Уральской области на ведомственное администрирование, призванное обеспечить достижение недостижимых целей [Горбачев, 2018. С. 157].

Во всех названных выше документах и публикациях только упоминался проект Урало-Кузбасса, так и не вышедший за пределы межрайонного сотрудничества и комбинирования в одной отрасли – черной металлургии: право на хотя бы минимальный анализ местные власти имели только в пределах «своей» административной единицы.

Невозможность доступа населения к достоверной информации в условиях слабости коммуникаций, ограниченной свободы передвижения и жесткого идеологического и полицейского контроля становилась питательной средой для возникновения сталинской мифологии пространства [Горбачев, 2018. С. 162]. В данном случае речь идет о «социалистической индустриализации» Урала в годы первой пятилетки.

Пути выхода из сложившейся ситуации в январе 1934 г. были сформулированы в самом общем виде: региональные власти ожидали решения Центра. Принятый в феврале 1934 г. второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР стал определенной вехой на этом пути.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачев О.В. (2018). Концепция советского пространства: от материальности к мифу // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов / Под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур; Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 151–164.
- Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП (б). (1934). Стенографический отчет. Свердловск: Партиздат.
- Дэвис Р.У. (1994). Советская историческая реформа в исторической перспективе (1934) // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука. С. 7–26.
- Зуйков В.Н. (1971). Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932 гг. М.: Мысль.
- Есиков С.А. (2010). Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН.
- История индустриализации Урала. 1926–1932 гг. (1967). Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство.
- Крумин Г.К. (1933). Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год. (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОблКК ВКП(б) 22 января 1933 г.). Свердловск – Москва: Партиздат. Уральское областное издательство.
- Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932 (в семнадцати бюллетенях). (1932). Свердловск: Партиздат (Уральское областное отделение).
- Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета депутатов шестого созыва 1927 – апрель 1929. К Седьмому съезду Советов (1929). Свердловск: Издание Уралоблисполкома.
- Ошвинцев М.К. (1933). Итоги пятилетки хозяйственные задачи на 1933. Свердловск: Партиздат.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. (1931). Стенографический отчет. М.: Соцэкгиз.
- Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие: Пятилетний перспективный план на V съезде госпланов (1929). М.: Плановое хозяйство.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР (1929). В трех томах. Т.3. Районный разрез плана. М.: Плановое хозяйство.
- Такер Р. (2013). Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф.
- Фельдман М.А. (2018). «Генеральный план развития Уральской области: на 1926-1941 гг.»: между мифом и реальностью // Международная научная конференция «Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований». 26–27 октября 2017. Екатеринбург: Издательство УРФУ. С. 304–316.
- Фельдман М.А. (2019). Конец романтической эпохи (дискуссии на Апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б) // Общественные науки и современность. № 3. С. 138–148.
- Шпотов Б.М. (2006). Модернизация и торможение как характерные черты советской индустриализации. Конец 1920-х – 1930-е гг. // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН. С. 285–287.
- Хлевнюк О.В. (2010). Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mich@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)

feldman-mich@yandex.ru

THE DEGREE OF UNDERSTANDING OF THE RESULTS OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN AT THE REGIONAL LEVEL: THE URAL DIMENSION

Abstract. The article is devoted to understanding the results of the First five-year plan in a large industrial region The Ural region. The concept of the First five-year plan was extensive: for the first time in the world's history, the state plan outlined a proportional and balanced development of regional and sectoral potentials; a wide range of social programs. The clash of rational and utopian courses of implementation of the tasks of the five-year plan – one of the most dramatic pages of Soviet history-passed through the fate of people. For some – it was a path to insight. For others, it is a way to blindly follow orders.

Keywords: *Five-year plan, Ural, party, workers, Plenum, Congress, industrialization.*

JEL: N60, N70, N90, O25.

REFERENCES

- Gorbachev O.V. (2018). *Koncepciya sovetskogo prostranstva: ot material'nosti k mifu* // Sovetskij proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizacii: sb. nauch. [The concept of Soviet space: from materiality to myth. Soviet project. 1917–1930-s: stages and mechanisms of implementation: collection of scientific Tr. / ed. by O.V. Gorbachev and L. N. Mazur]. M-vo of science and higher education ROS. Federation, The Urals. Feder. UN-t. Yekaterinburg: Ural Publishing house. UN-TA. 558 Pp. 151–164.
- Davies R.U. (1994). *Dvenadcataya Ural'skaya oblastnaya konferenciya VKP (1934). Stenograficheskij otchet. [Sovetskaya istoricheskaya reforma v istoricheskoy perspective] NEP: priobreteniya i poteri. Soviet historical reform in historical perspective [NEP: acquisitions and losses]. M.: Nauka. Pp. 7–26.*
- Dvenadcataya Ural'skaya oblastnaya konferenciya VKP (b). (1934). *Stenograficheskij otchet. [The twelfth Ural regional conference of the CPSU (b)]. Verbatim record. Sverdlovsk: Partizdat.*
- Esikov S. A. (2010). *Rossiyskaya derevnya v gody nepa: K voprosu ob al'ternativnosti stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozem'ya). [Russian village during the NEP: On the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)]. M.: ROSSPEN.*
- Feldman M.A. (2018). *General'nyj plan razvitiya Ural'skoj oblasti: na 1926–1941 gg.»: mezhdru mifom i real'nost'yu // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Epoha socialisticheskoy rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij» [General plan of development of the Ural region: for 1926–1941]: between myth and reality // International scientific conference “The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformation”]. October 26–27, 2017. Yekaterinburg: URFU Publishing house.*
- Feldman M.A. (2019). *Konec romanticheskoy epohi (diskussii na Aprel'skom (1929) Plenumе CK VKP (b) [The end of the romantic era (discussions at the April (1929) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b)). Ohchestvennye nauki I sovremennost'. No. 3. Pp. 138–148.*
- Istoriya industrializacii Urala. 1926–1932 gg. [History of industrialization of the Urals. 1926–1932 (1967)]. The School Environments. Sverdlovsk: Ural publishing house.
- Khlevnyuk O.V. (2010). *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury. [Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. M.: ROSSPEN.*
- Krumin G.K. (1933). *Itogi pervoj pyatiletki i kontrol'nye cifry Urala na 1933 god. (Dopolnennaya stenogramma doklada pa ob'edinennom plenumе Obkoma i OblKK VKP(b) [Results of the first five-year plan and control figures of the Urals for 1933. (Supplemented transcript of the report of the PA on the unified Plenum of the regional Committee and the regional Committee of the CP (b) on January 22, 1933)]. Sverdlovsk – Moscow: Partizdat. Ural regional publishing house.*
- Odinnadcataya Ural'skaya oblastnaya konferenciya VKP (b). 23 yanvarya – 30 yanvarya 1932. (v semnadcati byulletenyah). [The eleventh of the Ural regional conference of the CPSU (b). 23–30 January, 1932. (in seventeen bulletins)]. (1932). Sverdlovsk: Partizdat (Ural regional Department).
- Oshvintsev M. K. (1933). *Itogi pyatiletki hozyajstvennye zadachi na 1933. [Results of the five-year plan economic tasks for 1933]. Sverdlovsk: Partizdat.*
- Otchet o deyatel'nosti Ural'skogo oblastnogo ispolnitel'nogo ko-miteta deputatov shestogo sozyva 1927 – april' 1929. K Sed'momu s'ezdu sovetov). (1929). [Report on the activities of the Ural regional Executive Committee of deputies of the sixth convocation 1927 – April 1929. By the Seventh Congress of Soviets]. Sverdlovsk: Publication of the Uraloblispolkom, Pervaya Vsesoyuznaya konferenciya rabotnikov socialisticheskoy promyshlennosti. (1931). Stenograficheskij otchet. [The first all-Union conference of workers of socialist industry. (1931). Shorthand report]. M.: Sotsekgiz.
- Problemy' rekonstrukcii narodnogo hozyajstva SSSR na pyatiletie: Pyatiletnij perspektivny'j plan na V s'ezde gosplanov (1929) [Problems of reconstruction of the national economy of the USSR for five years: Five-year long-term plan at the V Congress of state planning authorities]. M.: Planovoe khozajstvo.
- Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR. V trekh tomah. T.3. Rajonnyj razrez plana [Five-Year plan of national economic construction of the USSR. In three volumes. Vol. 3. District section of the plan]. Moscow: Planned economy, 1929.
- Spotov B. M. (2006). *Modernizaciya i tormozhenie kak harakternye cherty sovetskoj industrializacii. Konec 1920-h – 1930-e gg. // Promyshlennaya politika v strategii rossijskih modernizacij XVIII–XXI vv. [Modernization and deceleration as characteristic features of Soviet industrialization. Late 1920–1930s // Industrial policy in the strategy of Russian modernizations of the 18th–21st centuries]. Yekaterinburg: Institute of history and archeology, URO RAS. Pp. 285–287.*
- Tucker R. (2013). *Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941. [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. M.: Tsentrpoligraf.*
- Zuikov V. N. (1971). *Sozdanie tyazhelej industrii na Urale. 1926–1932 gg. [Creating a heavy industry in the Urals. 1926–1932]. M.: Thought.*